

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-1-36-41

УДК 821.161.1

БУКВА И СЛОВО В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (С. ЕСЕНИН, М. ШИШКИН)

Н.М. Солнцева, М.А. Хлебус

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, Москва, Россия, 119991

В статье исследуется феномен буквы в эссе А.С. Есенина «Ключи Марии» (1918) и рассказе М.П. Шишкина «Урок каллиграфии» (1993), эссе «Спасенный язык» (2001). Выявлены общие и противоположные основы художественно-лингвистических концепций поэта Серебряного века и писателя XXI века: понимание буквы как микрокосма, антропологическое восприятие буквы, творящая потенция слова.

Есенин и Шишкин соотносят «живую жизнь» слова с последовательным действием, в котором есть начало, кульминация, завершение. Сюжет «Урока каллиграфии» развивается, следуя графической логике буквы, повествование о жизни судебного переписчика движется к точке. В «Ключах Марии», напротив, сюжет об алфавите развивается как история человека: от интуитивного восприятия себя к самопознанию. При явном антропологическом смысле алфавита и Есенин, и Шишкин устанавливают свою иерархию ценностей, в которой человек — не доминанта бытия. Возможности буквы и слова в эстетике Есенина и Шишкина выходят за пределы только когнитивной функции. И поэт, и писатель развили мысль о слове как национальной культурной памяти. Философия слова обоих писателей рассмотрена в контексте стилевой традиции Епифания Премудрого.

Ключевые слова: антропология, буква, бытие, Епифаний Премудрый, Есенин, образ, слово, феномен, Шишкин, язык

Введение. Русской модернистской литературной традиции известны случаи ассоциативной интерпретации буквы в структуре художественного текста. Например, обозначение героев в романе Е. Замятина «Мы» (1924) буквами или буквенные цветообозначения В. Набокова в книге «Другие берега» (1954), форма и окраска букв и звуков в романе А. Белого «Петербург» (1913), буква в пространственной проекции в программной статье В. Хлебникова «Наша основа» (1919). В современной литературе практика восприятия буквы как семантической единицы продолжена М.П. Шишкиным.

В данной работе авторы исследуют феномен буквы в эссе А.С. Есенина «Ключи Марии» (1918) и рассказе М.П. Шишкина «Урок каллиграфии» («Знамя», 1993. № 1), его же эссе «Спасенный язык» (2001). В качестве основополагающих предпосылок для анализа выделяем следующие: 1) понимание буквы как микрокосма; 2) антропологическое восприятие буквы; 3) природа образности; 4) творящая потенция слова.

Первый рассказ Шишкина «Урок каллиграфии» демонстрирует черту его прозы — осознанную или случайную — метатекстуальность. Факты, свидетельствующие

щие об обращении Шишкина к лингвистическим положениям «Ключей Марии» (1918), отсутствуют, но близость философского обоснования Шишкиным и Есениным буквы и слова представляется очевидной.

Шишкин описывает историю секретаря судебного заседания — Евгения Александровича — страстного каллиграфа и переписчика. Он писал «чье-нибудь последнее слово не лапидарной скорописью, а, к примеру, пузырястым рондо, сквозными буквами с затушевкой внутри, а приговор — ломанной фрактурой с рочерками, или готическими заломами, или батардом...» [5. С. 239]. Языковое пространство — это его микрокосм. Буква, слово, язык — тема эссе Шишкина «Спасенный язык». Шишкин, по сути, создавая любое произведение, творит не столько мир людей, сколько мир языка. Как пишет С. Оробий, почерк, алфавит, каллиграфический эффект у Шишкина — важнейший структурообразующий мотив. Лашова С. считает, что подлинный сюжет Шишкина — «воскрешение мира через слово» [3]. Потому персонажи Шишкина не креативны, в них нет яркости, они живут в пространстве языка.

Подобную апологию языка наблюдаем в теоретической работе Есенина «Ключи Марии».

Отметим, что и Есенин, и Шишкин не описывают букву или слово, а создают образ буквы и слова. У Есенина «А» — «образ человека, ощупывающего на коленях землю, он читает «знаки существа ее» [2. С. 185]. У Шишкина «Ж» — «удивительная членистоногая пава» [5. С. 241]. Или у Есенина «Б» — эмблема ощупывания «человеком воздуха» [2. С. 185]. У Шишкина «Ц» — «жидовочка», «умыкнутая Кириллом из Соломоновой азбуки, — сколько грации в крутой линии выставленного бедра!» [5. С. 250].

Оба писателя прежде всего в алфавите видят антропологическую основу. Буква, согласно поэту, — знак человека в пространстве. Каллиграф Шишкина в заглавной букве видит «начало всех начал», «первое дыхание, крик новорожденного» [5. С. 221]. Буквенные линии — жилы. Письмо уподоблено кровеносной системе. В нем есть начало — заглавная, есть конец — точка. В самом написании, таким образом, есть сюжет.

Но и в последовательности алфавита Есенин видит свою историю отношений человека и пространства. Так, человек подымается с колен, выпрямляется, ищет «примирения с воздухом и землею» [2. С. 185]. Заканчивается алфавитный сюжет «фигурою буквы Я» [2. С. 185], ее семантика — апогей в самопознании человека: «Эта буква рисует человека, опустившего руки на пуп, шагающим по земле, линии, идущие от середины туловища буквы, есть не что иное, как занесенная для шага нога...» [2. С. 186]. Через буквы реконструируется история человека. Буквы в понимании поэта — в движении, как человек.

Далее у Есенина дана жизнь слова в культурном пространстве — не только в движении, но в преображении: «...в наших песнях и сказках мир слова так похож на какой-то вечно светящийся Фавор, где всякое движение живет, преображаясь» [2. С. 180].

Однако при явной антропологической коннотации алфавита и Есенин, и Шишкин устанавливают свою иерархию ценностей, в которой человек занимает далеко не доминирующую позицию. В «Уроке каллиграфии» почерк заслоняет людей,

чьи дела разбираются в суде. Герой по почерку получает знание о человеке, по почерку видит то, что скрыто от следователя.

Рассуждая о природе языка, оба писателя обращаются к виду изобразительности. Один — к каллиграфии, другой — к орнаменту. «За культурой обиходного орнамента <...> начинают показываться следы искусства словесного» [2. С. 172—173].

И в «Ключах Марии», и в «Уроке каллиграфии» язык творит образы и создает новую реальность. Шишкин, например, дописывает биографии героинь русской классики. Есенин пишет об образотворческой силе слова. Наделив букву антропологическим смыслом, он делает следующий шаг: наделяет тем же смыслом и образ. При этом Есенин высказывает свою концепцию образа как, во-первых, непреложную онтологическую истину и, во-вторых, эстетическую универсалию.

Он исходит из понятий души, плоти, разума: «образ от плоти можно назвать заставочным, образ от духа корабельным и третий образ от разума ангелическим» [2. С. 189]. Антропологическая природа образа получила свою дефиницию — органический образ. Но Есенин выходит за пределы лингвистической антропологии. Буква «Ө» (фита) означает единство мира, являет собой метафору, выражает связь «искусство — космос»: «Волнообразная линия в букве Ө означает место», где должны встретиться два идущих: «человек, идущий по небесному своду, попадает головой в голову человеку, идущему по земле» [2. С. 188].

Отметим, что для Шишкина семантика буквы и слова более уплотнена вне русскоговорящей среды. За рубежами России когнитивные специфики в отношениях «человек — русское слово» обретают иное качество. Эта особенность, конечно, не актуальна для Есенина. По Шишкину, что в России «разлито, разбросано в атмосфере» [5. С. 200], где-нибудь на берегах Лиммата «упихано, утрамбовано в каждую Ы» [5. С. 200]. Он пишет: «Россия со всем своим скарбом переселилась в шрифт» [5. С. 200].

Речь идет о национальной культурной памяти. Отметим, что и «Ключи Марии» — о национальной культурной памяти, но в пределах России.

Есенин обращается к мифам и апокрифам X и XI веков, «где лепка слов и образов поражает нас не только смелостью своих выискиваемых положений, но и тонким изяществом своего построения» [2. С. 180].

По сути, он говорит о «плетении словес», которым искусно пользовался Епифаний Премудрый и его ученики. Алексей Ремизов в повести «Петербургский буерак» (1957) пишет о том, что Епифаний «заворожил словоплетением русскую книгу», «плел венки» [4. Т. 10. С. 355] из слов. «Плетение орнамента» (так Ремизов определял его манеру) возвращает нас к «Ключам Марии». В теоретической работе «Отчее слово» (1918) — Есенин повторяет за Н. Клюевым: «художник — ловец созвучий» [1. С. 87], подтверждая тем самым и свою тезу о «лепке слов».

Следует отметить, что Ремизов считал стиль А. Белого подверженным влиянию стилистических изысков Епифания. Известна роль Белого в формировании эстетических вкусов Есенина. Так, лингвистическую философию Белого и Есенина роднит космизм: «Мы очень многим обязаны Андрею Белому, его удивительной протянутости слова от тверди к вселенной» [1. С. 86]. Поэтике Шишкина и Белого, на взгляд авторов, сближает лингвоцентричность.

Шишкин обращается к образу Епифания в эссе «Спасенный язык». Он цитирует эпизод из «Жития протопопа Аввакума» о том, как мученику вырезали язык, после чего он говорил «гугниво». Богородица предложила Епифанию на выбор язык «московский» (обычный) или «здешний» (метафизический); схимник выбрал — и заговорил «чисто и ясно». По мнению Шишкина, писатель рождается, когда вместо «мясистого снаряда» у него «язык совершен обретется во рте» [5. С. 2006]. На стилевом уровне «плетение словес» в исконной древнерусской форме видим в романе Шишкина «Взятие Измаила» (2000).

Заключение. Зададимся вопросом: что имел в виду Есенин, когда писал о смелости словесных «положений»? При нарушении в его поэзии стилистических норм образ только выигрывал — и в кантиленности, и в экспрессии. Возможности особого поэтического косноязычия — тема «Спасенного языка» Шишкина. Чтобы «сказать и быть понятым», как пишет автор, «надо найти язык особой косности, на котором можно что-то объяснить» [5. С. 205]. Писатель имеет в виду высокую стилевую «косность», которая характеризует язык Д. Хармса и А. Платонова, И. Бродского. В этот же ряд становится и статья Ю.М. Лотмана «Поэтическое косноязычие Андрея Белого» (1988) об особенностях стиля поэта.

Итак, в творчестве таких несхожих писателях, как Есенин и Шишкин, обнаруживается родственное понимание слова. Философия слова, основанная на интуиции и образной рецепции бытия, которая не имеет отношения к рафинированной, строгой науке. Однако отдадим должное феноменологии и допустим, что истинное познание приходит через непосредственные восприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Есенин С.А.* Отчее слово. М.: Изд-во «Советская Россия», 1968. С. 157.
- [2] *Есенин С.А.* Проза поэта. М.: Изд-во «ВАГРИУС», 2000. С. 185.
- [3] *Лашова С.Н.* Мотив воскрешения в прозе М. Шишкина // Гуманитарный вектор. 2011. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/motiv-voskresheniya-v-proze-m-shishkina> (дата обращения: 28.09.2017).
- [4] *Ремизов А.М.* Петербургский буерак. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М.: Русская книга, 2003. С. 355.
- [5] *Шишкин М.С.* Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе. М.: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 318.

© Солнцева Н.М., Хлебус М.А., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 декабря 2017

Дата принятия к печати: 28 декабря 2017

Для цитирования:

Солнцева Н.М., Хлебус М.А. Буква и слово в пространстве художественного текста (С. Есенин, М. Шишкин) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2018. Т. 23. № 1. С. 36—41. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-1-36-41

Сведения об авторах:

Солнцева Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского

государственного университета им. М.В. Ломоносова. *Контактная информация:* e-mail: mhlebus@mail.ru

Хлебус Марина Александровна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. *Контактная информация:* e-mail: mhlebus@mail.ru

THE LETTER AND THE WORD IN THE FICTIONAL REALM OF WORKS BY S. YESENIN, M. SHISHKIN

N.M. Solnceva, M.A. Khlebus

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1st Humanities Building, Moscow, Russia, 119991

The article investigates the phenomenon of the letter and the word in the essay “The keys of Mary” (1918) written by A.S. Yesenin and the short-story by M.P. Shishkin “Calligraphy Lesson” (1993), and also in his essay “The Saved Language” (2001). The given articles reveals common and opposite theses between art and linguistic concepts proposed by Serguey Yesenin, a poet of the Silver Age, and Mikhail Shishkin, a writer of the XXI century: they both see the letter as a microcosm, point out the anthropological perception of the letter, and emphasize the creative potential of the word. Yesenin and Shishkin correlate the “living life” of the word with a consistent action, in which there is a beginning, a climax, a conclusion. The plot of “Calligraphy Lesson” develops following the graphic logic of the letter, the narrative about the life of the law writer is moving towards a full-stop. In the “Keys of Mary”, on the contrary, the alphabet plot develops as a story of individual: from the intuitive perception of self to self-discovery. With the explicit anthropological sense of the alphabet, both Yesenin and Shishkin establish their hierarchy of values where a person doesn’t play the main part. Letters and words in the Yesenin and Shishkin’s aesthetic system go far beyond the limits of their cognitive functions. Both Yesenin and Shishkin develop the idea of a word as national cultural memory. The philosophy of the words as presented by both writers is considered as following the stylistic tradition of Epiphanius the Wise.

Key words: anthropology, letter, being, Epiphanius the Wise, Yesenin, image, word, phenomenon, Shishkin, language

REFERENCES

- [1] Esenin S.A. Otche slovo [Father’s word]. M.: Izd-vo Sovetskaya Rossiya [Publishing house “Soviet Russia”], 1968. P. 157.
- [2] Esenin S.A. Prosa poeta [Poet’s prose]. M.: Izd-vo VAGRIUS [Publishing House “Vagrius”], 2000. P. 185.
- [3] Lashova S.N. Motiv voskresheniya v proze M. Shishkina [Motive of resurrection in M. Shishkin’s prose]. Humanitarian vector. 2011. № 4. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/motiv-voskresheniya-v-proze-m-shishkina> (Accessed 28 September 2017).
- [4] Remizov A.M. Petersburgskiy Buerak [The ravine of St. Petersburg]. *Sobranie sochinenij v 10 tomah* [Collected works]. M.: Russkaya kniga [The Russian Book], 2003. P. 355.
- [5] Shishkin M.P. Pal’to s khlyastikom: korotkaya prosa, esse [The Coat with a Hladikom: short prose, essay]. M.: Izd-vo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2017. P. 318.

Article history:

Received: 2 December 2017

Revised: 22 December 2017

Accepted: 28 December 2017

For citation:

Solnceva N.M., Khlebus M.A. (2018). The letter and the world in the fictional realm of works by S. Esenin, M. Shishkin. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (1), 36–41. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-1-36-41

Bio Note:

Solnceva Natalya Mikhailovna, doctor of philological science, professor, Modern Russian Literature Department, Lomonosov Moscow state university. *Contacts*: e-mail: mhlebus@mail.ru

Khlebus Marina Alexandrovna, PHD student, Modern Russian Literature Department, Lomonosov Moscow state university. *Contacts*: e-mail: mhlebus@mail.ru